

А. А. Линченко

В ПОИСКАХ СЛЕДОВ ПРОШЛОГО¹

Статья представляет собой рецензию на монографию А. Буллера «Три лекции о понятии «СЛЕД». Книга представляет собой цикл лекций, посвященных философским аспектам рассмотрения понятия «след», а также попытку интеграции данного понятия в пространство современной философии истории и исторической науки. Проблема следов прошлого рассматривается в рамках соотношения модернистской и постмодернистской методологий, в контексте соотношения выводов философской герменевтики, истории понятий, дидактики истории, медиальной философии и этики. Автор выявляет онтологические и эпистемологические предпосылки использования понятия «след» как инструмента исторической науки, обосновывает мысль о необходимости антропологического подхода к пониманию деятельности историка.

Ключевые слова: следы прошлого, историческая память, герменевтика.

Самый широкий и универсальный подход к историческому сознанию был определен Вильгельмом Дильтеем, который утверждал, что в историческом сознании жизнь постигает жизнь. В историческом познании сама жизнь оказывается сориентирована на осознание самой себя. Принцип этот, несмотря на множество поворотов в философии истории и исторической науке двадцатого столетия, как видится, не исчерпал своей эвристической значимости. Однако, что означает, рассматривать историю, историческую память, историческое сознание, наконец, историческую культуру с точки зрения понятия «жизнь»? Категория «жизнь» позволяет, прежде всего, ухватить неразрывное и сложное переплетение прошлого и настоящего, прошлого в настоящем, и, конечно, настоящего в прошлом. Однако, жизнь всегда стремится вперед, выходит за свои пределы, а это значит, что за пределами горизонта настоящего намечается онтология будущего. В отношении исторического сознания и исторического познания, категория «жизнь» отсылает в первую очередь к человеческому измерению восприятия прошлого, которое, конечно, оказывается более широким, чем научные образы прошлого. Распространение в последние годы понятия «историческая культура» среди зарубежных (Й. Рюзен, Б. Гене, Д. Вульф, А. Ассман, А. Эрл и др.)² и отечественных (Л.П. Репина³, А.В. Дмитриев⁴) исследователей как раз оказалось связано именно с необходимостью антропологического поворота в изучении ис-

¹ Подготовлено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта «Государственная политика памяти в Российской Федерации: философские основания и стратегии реализации» (16-33-01019/16).

² Rösen 1994; Гене 2001; Woolf 2003; Ассман А. 2014; Erll 2011.

³ Репина 2011.

⁴ Дмитриев 2012.

торической памяти, исторического сознания и исторического познания. Однако антропологическое видение истории предполагает несколько иной взгляд на отношения человека с его прошлым. Речь идет о столкновении человека с неизвестным прошлым, с тем историческим опытом, который может оказаться за гранью человеческого осмысления, с прошлым, которое может находиться рядом, но не быть осознанным как прошлое. Такое прошлое еще не является только лишь историческим источником и тем более не представляет собой какой-либо целостной картины... Другими словами, перед нами следы прошлого.

Увлекательная книга «Три лекции о понятии «СЛЕД» Андреаса Буллера⁵, доктора философии из Штутгарта, будет интересна не только философам, но и историкам, а также всем тем, кто пытается найти в прошлом ответы на вопросы современности. Философам эта книга будет интересна тем, что в ней намечаются контуры возвращения онтологической проблематики в философию истории. Как известно, во второй половине XX века философия истории оказалась в кризисе вследствие утраты доверия к метаисторическим нарративам. Однако, кризис объективистской линии философии истории и доминирование экзистенциально-герменевтических, аналитических, постструктуралистских и постмодернистских вариантов философствования об истории также не смогли вернуть философии истории ее былой статус. В дальнейшем традиционные вопросы философии истории на Западе оказались дополнены темами политического присвоения прошлого, проблематикой исторических коммемораций, медийного дискурса об истории, коллективной памяти и идентичности, национальных образов времени и исторического опыта, этического измерения истории. И вместе с тем, философия истории все дальше уходила от исторической действительности, философский статус которой оказался, не без оснований, дискредитированным. В этой связи, поле размышлений о понятии «след прошлого», не отсылающем к объективно существующей исторической действительности (реализм), и не замыкающемся на историческом сознании исследователя прошлого (конструктивизм), могло бы стать основой для введения в философию истории обновленной онтологической проблематики. Это позволило бы продолжить разговор об историческом бытии и исторической реальности, об историчности, понятой не только в категориях экзистенциальной аналитики, но историчности культуры как надындивидуального субъекта восприятия прошлого.

Однако книга будет интересна и историкам, которые, как правило, проявляют безразличие к философским вопросам исторической науки. Разрыв между философией истории, методологией истории и исторической наукой кажется сегодня непреодолимым. Это актуализирует поиски понятий, которые могли бы одновременно обладать универсальным

⁵ Буллер 2016.

философским статусом и использоваться в практике конкретных исторических исследований. В случае понятия «след», – например, в источниковедческих исследованиях. Речь идет, по выражению Йорна Рюзена, о метаисторической точке зрения, метатеоретической перспективе исторических исследований, позволяющих наметить новый взгляд на конкретный эмпирический материал историка, по-новому осмыслить философский статус исторического источника как следа человеческой жизни и смерти, жизни минувшей и жизни современной. Эта та «территория», на которой историк выступает не только как исследователь, но как человек, стоящий перед прошлым, погруженный в свою историческую культуру. Бойкое перо немецкого исследователя скорее ведет нас по лабиринтам размышлений о следах прошлого, нежели дает нам стройное и логически законченное лекционное знание о них. Автор книги выступает не как лектор, скорее, как собеседник.

Книга состоит из трех глав-лекций. Первая лекция посвящена эпистемологическому и онтологическому анализу понятия «след». Сам автор начинает разговор о понятии «след» как познавательном инструменте историка, предпочитая понятие «след» понятию «источник». Источник, в его понимании, тоже след, только избранный. Всякий источник – след, но не всякий след – источник. Работа с источником, в таком случае, оказывается одним из вариантов культурной техники чтения следов, причем следов не только прошлого, но и будущего. Прошлое оказывается открытым, незавершенным, материальным и идеальным. «Без *материальности* следа не было бы здесь *нематериальности* прошлого. Специфика следа в том и заключается, что в основе его сущности лежит как *материальное*, так и *нематериальное*. Сама по себе «*суть*» СЛЕДА – нематериальна. По своей сути СЛЕД является *мыслью, образом или представлением* человека. Но форма явления СЛЕДА человеку должна иметь *материальный* характер, то есть следы должны быть осязаемыми, воспринимаемыми, видимыми или же слышимыми» (с. 14-15).

Понятие «след» также рассматривается автором как более широкое в сравнении с понятием «текст». Однозначная ориентация на прошлое как тексты «дереализует», «дематериализует» его. «В отличие от простого «знака», «след» является не формальным символом, а обозначением, зафиксировавшем в себе динамику изменения, то есть движение, акт или процесс» (с. 28). Автор резонно замечает, что мы вправе говорить о различных уровнях чтения следов: повседневном, археологическом, историческом, философском. Заметим, что техники чтения следов в таком случае оказываются культурными практиками социального ориентирования и создания новой социальной реальности, что, конечно, позволяет мыслить историка именно как создателя современной ему общественной жизни. Используя фундаментальную онтологию Мартина Хайдеггера, Андреас Буллер с помощью понятия «след» стремится конкретизировать хайдеггеровский вопрос в отношении сущности исторического.

Историческим, по мысли Хайдеггера, является не то, что ушло, но то, что было здесь. А статус прошлого как прошлого во многом связывается им с принадлежностью к ушедшему миру. По мысли А. Буллера, след конкретизирует прошлое, выделяя из безграничного «все, что было» только определенные события, образы, феномены. С другой стороны, след не дает окончательно уйти тому, что давно уже ушло и прошло, он провоцирует нас, стирает границу между тем, что было, и тем, что есть.

Интересным представляется также анализ онтологии понятия «след» с точки зрения категорий возможное и действительное. «Материальное присутствие следа, – отмечает Андреас Буллер, – есть лишь его ВОЗМОЖНОЕ, но еще не ДЕЙСТВИТЕЛЬНОЕ присутствие. ДЕЙСТВИТЕЛЬНОЕ присутствие следа может быть лишь его имажинарным присутствием, то есть его присутствием как представление или ОБРАЗ <...> Последние, даже если они являются «образами прошлого», рождаются только в настоящем и только настоящим» (с. 29). Исторический след, по мысли автора, является «отчуждением» или «выражением» Другого, что открывает герменевтику понятия «след».

Вообще, надо заметить, что автор постоянно движется в русле нескольких интеллектуальных традиций. Отдельные фрагменты книги выполнены в русле герменевтики и истории понятий, в других присутствуют посмодернистские тезисы. Он соединяет различные версии прочтения прошлого, двигаясь в русле популярной сегодня в Германии методологии Й. Рюзена, стремящегося к определенному синтезу модернистской и постмодернистской методологии осмысления прошлого. Несомненным достоинством работы А. Буллера может считаться попытка взглянуть на проблему следов прошлого в перспективе как философии истории, так и дидактики истории, жесткое противопоставление которых мы можем найти сегодня в работах об историческом сознании в ФРГ.

Автор обращается и к достаточно маргинальным темам для философии истории и исторической науки: теме запахов прошлого, бесследному прошлому, следам будущего, анализируя философские предпосылки возможности реконструкции запахов прошлого. Он также показывает, что отсутствие иных следов прошлого заставляет историка «следовать» только тем следам, которые у него есть. Историк сам оказывается «добычей» следов. Не менее интересны рассуждения А. Буллера о следах будущего, умение выявлять которые, как ни парадоксально, оказывается одним из важнейших элементов научной истории.

Вторая лекция посвящена следам смерти. Внезапное обращение к этой проблеме при внимательном взгляде оказывается значимой стороной анализа следов, как прошлого, так и будущего. Это связано с тем, что следы смерти, по мнению автора, реально существуя в действительности, презентуют несуществующее. Речь идет о предельной ситуации обращения к понятию «след», ведь тема смерти – тема особая, как для

отдельного человека, так и для культуры. В этом смысле культурные практики обращения со смертью оказываются определенными ориентирами для обращения с прошлым, с историческим опытом. Философское отношение к смерти формирует также и образ исторической науки, ведь все настоящее становится прошлым только с наступлением смерти.

Взор исследователя останавливается на трех проблемах: локализации смерти во времени и пространстве, проблеме «всеприсутствия» и «внепорядочности» смерти, а также проблеме обудуществления прошлого. Автор, двигаясь по страницам книг М. де Серто, П. Рикера, Р. Дж. Коллингвуда и наконец, Х. Уайта показывает, что аналогичность восприятия неустраима из работы историка, а это значит, что он всегда мыслит с определенной трансцендентальной установкой, находится в рамках своего исторического сознания или, вернее, «своего» образа «чужого». Более того, мы сохраняем образы прошлого в типичных и избранных следах. «К тому же, мы воспринимаем прошлое с пункта нашего “местонахождения” во времени. Но, что интересно, в любом пункте “местонахождения” человека всегда сконцентрированы ВСЕ, абсолютно ВСЕ, сохранившиеся от прошлого следы» (с. 69).

Следы сосуществуют в настоящем как «одновременность неодновременного» (Р. Козеллек). В следах прошлого время застывает, оказывается локализованным в конкретных времени и пространстве (кладбища и захоронения – тому самый яркий пример). Более того, даже безымянная смерть, например, смерть «неизвестного солдата» также конкретизируется в культуре. Смерть конкретного человека, превращение ее в след прошлого посредством ритуала, опредмечивает смерть, делает ее частью осознанного восприятия человеком. Причем это опредмечивание имеет как эмоциональную, так и материальную стороны, что, как замечает Андреас Буллер, мы видим на примере памятников. И снова через тему смерти автор возвращается к проблеме времени, ведь смерть приходит из будущего и уже отсылает к прошлому, потому что должна превратиться в его след. Все это открывает интересные перспективы для герменевтики смерти, если понимать последнюю как универсальный метод гуманитарных наук (Х.Г. Гадамер).

В книге содержится ценная информация о состоянии исследования проблемы следов прошлого в современной немецкой исторической науке и философии. Так, анализируются 10 атрибутов понятия «след», представленных в работах Сибилле Кремер: отсутствие, функция ориентировки, материальность, нарушение, немотивированность следа, способность к наблюдению и действию, интерпретативность, нарративность и полисемичность следов, гетерономность и пассивность, одномерность и неповторимость следов прошлого, временной разрыв между автором следа и лицом, воспринимающим след. След, резюмирует А. Буллер (вслед за Сибилле Кремер), оказывается не просто инструментом, средством человеческого познания, но «способом человеческого мышления».

И здесь его мысль делает резкий поворот. «Человек стремится сохранить “следы смерти” по причине ее бесследности <...> Однако, любые оставленные смертью “следы” <...> несут в себе отпечаток конкретной жизни» (86). Пересматривая следы прошлого, человек, по сути, обудуществляет свое прошлое, ведь отношение к Другому прошлому есть проекция отношения к своему прошлому и его возможным интерпретациям в будущем, после смерти человека.

От темы смерти и следа А. Буллер переходит к теме смерти и свободы. Он показывает, что посколькү проблема смерти является одновременно и проблемой свободы, то и анализ следов смерти как следов прошлого возможен только в контексте определенного понимания свободы. Так, антропология следов прошлого получает в книге еще и этическое измерение. Лекция посвящена анализу немецкой и российской традиций осмысления феномена свободы в философии морали. На материалах философии И. Канта, А. Шопенгауэра, В. Соловьева и Е. Трубецкого автор показывает значение темы свободы как средства преодоления смерти.

Прослеживая парадоксы этического рассмотрения темы соотношения смерти и свободы в XIX–XX вв., автор солидаризуется с Н. Федоровым, полагавшим, что человек должен не просто «устранить смерть», но и восстановить жизнь. Восстановление жизни – вот самая последняя задача исторического мировоззрения, согласно Федорову. Каким образом эти идеи могут быть осмыслены в качестве определенной методологии исторической науки – А. Буллер не дает нам ответа. Впрочем, вряд ли такие ответы могут быть даны в одной книге и одним автором. Скорее, ответ должна дать сама историческая культура, пространство которой, как успешно показывает нам немецкий исследователь, открыто и многомерно, как незавершён и многомерен сам человек. По-видимому, именно этот мотив двигал автором, когда он не стал подводить итоги книги, а завершил работу различными толкованиями понятия «след», представленными в отечественных и зарубежных изданиях.

Позволим себе еще одно критическое замечание, или, скорее, приглашение к дальнейшему размышлению относительно темы «следов прошлого». Речь идет о более детальном осмыслении проблемы восприятия следов прошлого, особенности которого по-разному проявляются в контексте таких понятий как «исторический опыт», «историческая память», «историческое сознание». Речь идет о том, кто и каким образом воспринимает следы прошлого в условиях настоящего. В самом первом приближении это подразумевает несколько вопросов. Насколько следы прошлого способны передавать исторический опыт, как следы прошлого превращаются (и всегда ли превращаются) в личный и коллективный исторический опыт? Как изменяются техники чтения следов прошлого на уровне исторической памяти и исторического сознания? Каким образом следы прошлого интегрируются в пространство другой исторической культуры, по-иному артикулирующей время?

В завершении отметим, что, по сути, можно говорить о трех модулях текста. Во-первых, материал впервые был представлен как видеолекции, размещенные на портале ИСТОРИЯ.РФ, во-вторых, в виде рецензируемой книги. И, наконец, в-третьих, через полгода после издания русской версии книги вышла расширенная немецкая версия⁶, в которой автор еще более усилил свою аргументацию. В немецкую версию книги вошли проблемы философского осмысления разрушения следов прошлого, анализа понятия «след» как медиальной, трансцендентальной и этической категории, выявления влияния современной медиальной философии в Германии на теорию и дидактику истории.

Книга А. Буллера является попыткой глубже осознать единство философии истории и исторической науки в контексте базовых понятий исторического мировоззрения, а также еще раз указать на значение российско-немецкого диалога научных традиций в новом тысячелетии.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.
- Буллер А. Три лекции о понятии «СЛЕД». СПб.: Алетейя, 2016. 128 с.
- Гене Б. История и историческая культура средневекового Запада. М.: Языки славянской культуры, 2001. 491 с.
- Дмитриев А.Н. Прошлое нашего прошлого: проблематика исторической культуры в Российской империи // Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом / отв. ред. А.Н. Дмитриев. М.: Изд. дом ВШЭ, 2012. С. 9-33.
- История и память: историческая культура Европы до начала нового времени / Л.П. Репина (ред.). М.: Кругъ, 2006. 768 с.
- Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX-XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. 560 с.
- Buller A. Eine Studie zur Theorie und Geschichte des Spurbegriffes (dt.). Marburg: Verlag TECTUM, 2016. 140 s.
- Geschichtskultur. Theorie – Empirie – Pragmatik / B.Mütter, B. Schönemann, U. Uffelmann (Hg.). Weinheim, 2000. 294 s.
- Erl A. Kollektives Gedächtnis und Erinnerungskulturen. Eine Einführung. Stuttgart-Weimar, Verlag J.B. Metzler, 2011. 243 s.
- Kuhn C. Generation als Grundbegriff einer historischen Geschichtskultur. Die Nürnberger Tucher im langen 16. Jahrhundert. Göttingen, V&R unipress, 2010. 553 s.
- Rüsen J. Historische Orientierung: Über die Arbeit des Geschichtsbewusstseins, sich in der Zeit zurechtzufinden. Cologne, Weimar, and Vienna: Böhlau, 1994. 264 s.
- Woolf D. The Social Circulation of the Past: English Historical Culture 1500-1730. Oxford, 2003. 421 pp.

REFERENCES

- Assman A. Dlinnaya ten' proshlogo: memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014. 328 s.
- Buller A. Tri lektzii o ponyatii «SLED». SPb.: Aletejya, 2016. 128 s.
- Gene B. Istoriya i istoricheskaya kul'tura srednevekovogo Zapada. M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2001. 491 s.

⁶ Buller 2016.

- Dmitriev A.N. Proshloe nashego proshlogo: problematika istoricheskoy kul'tury v Rossijskoj imperii // Istoricheskaya kul'tura imperatorskoj Rossii: formirovanie predstavlenij o proshlom: koll. monogr. v chest' prof. I.M. Savel'evoj / otv. red. A.N. Dmitriev. M.: Izd. dom VSHEH, 2012. S. 9-33
- Istoriya i pamyat': istoricheskaya kul'tura Evropy do nachala novogo vremeni / L.P. Repina (red.). M.: Krug", 2006. 768 s.
- Repina L.P. Istoricheskaya nauka na rubezhe XX-XXI vv.: sotsial'nye teorii i istoriograficheskaya praktika. M.: Krug", 2011. 560 s.
- Buller A. Eine Studie zur Theorie und Geschichte des Spurbegriffes (dt.). Marburg: Verlag TECTUM, 2016. 140 s.
- Geschichtskultur. Theorie – Empirie – Pragmatik / B.Mütter, B. Schönemann, U. Ulfelmann (Hg.). Weinheim, 2000. 294 s.
- Erl A. Kollektives Gedächtnis und Erinnerungskulturen. Eine Einführung. Stuttgart-Weimar, Verlag J.B. Metzler, 2011. 243 s.
- Kuhn C. Generation als Grundbegriff einer historischen Geschichtskultur. Die Nürnberger Tucher im langen 16. Jahrhundert. Göttingen, V&R unipress, 2010. 553 s.
- Rüsen J. Historische Orientierung; Über die Arbeit des Geschichtsbewusstseins, sich in der Zeit zurechtzufinden. Cologne, Weimar, and Vienna: Böhlau, 1994. 264 s.
- Woolf D. The Social Circulation of the Past: English Historical Culture 1500–1730. Oxford, 2003. 421 pp.

Линченко Андрей Александрович, кандидат философских наук, доцент, научный сотрудник Липецкого филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации»; linchenko1@mail.ru

In search of the traces of the past

The article is a review of the monograph by A. Buller "Three lectures on the concept of "Trace". (St. Petersburg, Aletheia, 2016. 128 pp.). The book is a series of lectures devoted to the philosophical aspects of the consideration of the concept "trace", as well as an attempt to integrate this concept into the space of the modern philosophy of history and historiography. The problem of the traces of the past is considered within the relation of the modernist and postmodern methodologies, in the context of the conclusions of philosophical hermeneutics, the history of concepts, didactics of history, medial philosophy and ethics. The author reveals the ontological and epistemological premises of using the concept "trace" as a tool for historical science and substantiates the idea of the necessity for an anthropological approach to the understanding of a historian's work.

Keywords: traces of the past, historical memory, hermeneutics

Andrei Linchenko, PhD, researcher of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Lipetsk branch; linchenko1@mail.ru